

Об эпистемологии «идеи в медиасреде»

Познавательные способности человека, даже рассматриваемые на общечеловеческом, трансцендентальном уровне, не представляют собой статичной системы и весьма динамично меняются. Во многом их изменения определяются жизненной средой, существенной составляющей которой, в наше время, являются *медиа*. В частности, важнейшее качество человека составляет *способность к продуцированию идей*, поскольку последние представляют собой «фундаментальное понятие»¹, на основе которого можно анализировать не только мышление и производимое им знание, но и более широкий комплекс когнитивных способностей и средств. На первый взгляд казалось бы, что информационно насыщенная медиасреда должна способствовать развитию творческой личности, генерации богатого потока новаторских идей. Однако, в реальности мы этого не отмечаем. В современном мире, в существенной степени медийном, относительно редко появляются идеи с высоким уровнем значимости, новизны, гораздо чаще они вторичны. Анализу некоторых причин данного явления и посвящена статья. Однако, прежде всего необходимо уточнить, что мы будем понимать под словом «идея».

Представление об идее, как феномене, неизбежно проявляющемся в деятельности сознания, «старо как мир». Широкий спектр интерпретаций самого понятия (или концепта) «идеи» так или иначе сводится к трем позициям, которые в самом общем виде выглядят следующим образом. *Во-первых*, это идущая от Платона традиция утверждения независимого от человека существования идеи, к которой человек, по преимуществу, может иметь лишь косвенное отношение, соприкоснувшись с ней в неких пограничных ситуациях. *Вторая* традиция подразумевает более активное участие человека в формировании идеи, через соприкосновение с некоей «действительностью сущего» и следующей за этим попыткой выражения данного опыта соприкосновения в виде идеи. Причем, под «действительностью сущего», мотивирующего сознание к производству идеи, может подразумеваться как нечто глубинное, характеризующее основы бытия (например, как это представлено у В.С Соловьева с его позицией по сути платоновской), так и простые чувственные впечатления (как у Локка

¹ См.: Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. - М., 2005. С. 189.

или Юма, например). И, наконец, *третий* вариант понимания идеи подразумевает, что идея - это нечто рождающееся в деятельности человеческого сознания, лишь косвенно обусловленное конкретными внешними обстоятельствами (ср. с лейбницевской трактовкой). Здесь, по сути дела, идея – сама по себе есть условие возникновения *нового*, того, чего в полном смысле слова не было в действительности, но оно получает возможность появиться в результате рождения и развития идеи. Человеческое сознание в данном случае – проявляет себя в роли *творца идеи*, а затем, по возможности, развивает ее через выражение, материальное воплощение, объективацию и проч. Именно при такой интерпретации идеи ее значение может приближаться к значению слов «открытие», «изобретение», «решение проблемы» и т.д.

Мы, по преимуществу, будем иметь ввиду третий вариант понимания идеи, но не отказываясь от онтологических посылок первых двух традиций, поскольку иначе актуализируется когда-то критикуемый Бэконом образ «мысли» в виде паутины, которую паук вьет из самого себя. Это означает, в данном случае, понимание того, что жизненный мир – это среда, в которой не только проявляется активность человеческого сознания, но которая мотивирует его деятельность, обуславливая и конкретные формы проявления сознания, и «стиль мышления» эпохи в целом.

Идея конечно же зависит от с нашего опыта, но мы обязательно вносим в нее и что-то «от себя». В частности, это может быть связано с наличием априорной (личностной, неявной, бессознательной) составляющими нашего знания. Скорее всего априорность, врожденность, как справедливо отмечал еще Лейбниц, не означает наличия идеи как таковой: она подобна склонностям, предрасположениям, привычкам, естественным потенциям, а вовсе не прямым действиям. Поэтому под влиянием внешних стимулов эти, так называемые «малые восприятия», бессознательные идеи и принципы, слабые и нерелексируемые по природе - становятся ощутимыми и в совокупности претворяются в Идею². В значительной степени продуцирование идей зависит и от уровня владения субъектом языком познания, на котором происходит вербализация или иной способ объективации идеи. А точнее, это зависит от степени владения Внутренней формой языка познания, которая в существенной степени предопределяет возможный облик идеи, ее направленность.

² См.: Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии. // Лейбниц Г. В. Соч. в 4 т. Т. 2. - М.: Мысль, 1983. С. 50-55, 75, 78.

Внутренняя форма, как «внутренняя сила» языка объединяет собой и потенциал личности, и формы ее познавательной деятельности, являясь имплицитным виртуальным источником творческой активности³. В то же время она влияет на гносеологическую, эстетическую, этическую, коммуникативную эффективность и значимость новых идей. Таким образом, значение внутренних обстоятельств познания, постижения, понимания мира весьма высоко, но они, в свою очередь, не образуют статичной когнитивно-языковой системы, а изменяются под влиянием внешней среды. В определенном смысле, каждый из нас обладает бесконечным потенциалом (запасом) знаний, каждая часть которого может актуализироваться под воздействием соответствующих внутренних и внешних обстоятельств.

Итак, масштабность и новизна рождающихся идей определяется масштабностью личности, когнитивной активностью субъекта и той, условно говоря, априорностью, которая формируется у него в онтогенезе (и не только) под влиянием окружающей среды – созданного человеком мира второй природы, насыщенного информационно-виртуальными, симулятивными, гиперреалистичными знаково-символическими структурами. Кроме того не исключается и прямое сиюминутное, спонтанное влияние медиа. Другими словами, для того, чтобы идея актуализировалась, необходимо (поверим Лейбницу, одному из немногих, кто действительно знал толк в идеях) «некоторое конкретное предрасположение к действию», «бесконечное множество тенденций у каждого субъекта», а также некий опыт, чтобы душа «обратила внимание на находящиеся в нас идеи»⁴. Благодаря этому, из бесконечного множества возможных идей разного качества выделяются главные на данный момент времени.

Однако, формирование такого предрасположения в наше время представляет проблему, поскольку в медиасреде внутренние механизмы активизации идеи гораздо чаще подавляются внешними впечатлениями. Последние нередко носят агрессивный характер в том смысле, что в силу своей яркости, специфической привлекательности, особой знаково-символической семантики они захватывают все внимание субъекта, не давая ему возможности сосредоточиться на своих внутренних мотивах и побуждениях. Кроме того, медийные образы в силу указанной специфики обладают и повышенным суггестивным воздействием. В результате созерцание заменяется «смотрением», и человек действует не столько по внутренним побуждениям, сколько под влиянием внешних впечатлений. Но

³ См.: Кудряшова Т. Б. *Онтология языков познания*. Ч. 1. - Иваново. 2005. С. 22-107.

⁴ Лейбниц Г. В. С. 110.

такого рода посторонние впечатления, какими бы насыщенными они ни были, могут дать нам лишь ограниченный круг знаний, практически не выходящий за пределы существующего, и маловероятно, что они смогут побудить человека к продуцированию новаторских идей.

Все вышесказанное позволяет предположить, что одной из причин снижения уровня творческой деятельности человека является *подавление внутренних механизмов формирования идеи – внешними впечатлениями*, обладающими особенно мощным суггестивным воздействием в условиях медиасреды. Безусловно, что даже самое глубокое внутреннее сосредоточение не исключает случайного фактора в появлении идеи в том числе и под влиянием внешней среды, и это должно время от времени происходить. Однако, если внешние факторы доминируют, то резко уменьшается вероятность влияния внутренних, собственно генерирующих субъективных факторов на механизмы детерминации идеи, отчего она может потерять самое важное: новизну, спонтанность, неожиданность, нетривиальность. Невозможность сосредоточиться на внутренних интуициях, неявных мотивах и побуждениях - не позволяет данному субъекту актуализировать лишь ему свойственный потенциал творчества, тематизировать бесконечные возможности, предоставляемые Внутренней формой того или иного языка познания в их нюансировке личностными качествами. Если же интенции, идеи формируются под влиянием только внешних факторов, то они пассивны, случайны, ведомы образами массмедиа. В этом случае познание, о чем в свое время говорил Лейбниц, еще больше начинает уподобляться зрению, поскольку при открытых глазах то, что мы видим «не вполне необходимо и не вполне добровольно». Аналогично в медиасреде наши познавательные способности нередко настолько «открыты» ее влиянию, настолько определяются им, что мы поневоле начинаем мыслить чужими образами, создавать и развивать идеи, ими же обусловленные и ими же подготовленные.

Следовательно, для того, чтобы сохранить собственно творческие способности в новых условиях, мы должны *научиться сопротивляться* подобному влиянию информационно насыщенной (и оттого агрессивной) медиасреды, заново учиться целесообразно использовать свои познавательные способности, чтобы наши мысли не были лишь пассивной реакцией на внешние воздействия, когда медиасреда концентрирует наше внимание, захватывает его и заставляет продуцировать идеи по определению вторичные. То есть в каком-то смысле мы вновь должны задуматься о метаморфозах субъект-объектной оппозиции, а точнее о том, что в данных условиях *объект (медиа) начинает доминировать над субъектом*.

Субъект-объектная оппозиция, возникшая и обозначенная в интеллектуальной среде еще в античности, и достигшая своего предела, пожалуй, в классической науке, затем последовательно смягчалась, вплоть до ее преобразования в субъект-субъектные отношения, связывающие не только людей, но и человека с природой, а также с отдельными артефактами культуры. Однако, ныне ситуация изменилась. Как нам представляется, развитая медиасреда создала новый прецедент в этой эволюции в виде медиаобъекта. Отношения человека с медиаобъектом еще только формируются, причем медиаобъект, созданный все-таки людьми, не подобен природному объекту, а потому гораздо более агрессивен с точки зрения влияния на сознание человека. В связи с этим можно утверждать, что объект доминирует над субъектом.

Но для полноценного продуцирования идей наиболее благоприятно субъект-субъектное отношение, отношение диалога, когда, говоря словами Э. Кассирера, мысль и действительность, как предмет постижения, не просто «соответствуют», но «пронизывают друг друга»⁵. Тогда происходит совпадение, резонанс на уровне Внутренних форм: внутренней формы личности, используемого языка, предмета размышлений, совпадение «когнитивных матриц». Возникает ситуация, когда по мысли Витгенштейна «в мягком» мы вдруг обнаруживаем «твердое». Это последнее и есть идея. Как известно, такого рода ментальная ситуация может возникнуть в любой момент, под влиянием разнообразных впечатлений. Недаром изобретателям рекомендуют побольше наблюдать, смотреть на скопления предметов, листать старые журналы – в поисках мотивирующей мысли информации.

Отсюда, казалось бы, развитая медиасреда по определению должна способствовать рождению не просто идей, но потока идей. Однако, говорить о бурном росте креативности не приходится. Более того, школьные психологи нередко отмечают снижение творческих способностей в первую очередь у детей, активно работающих в Сети. Школьники, как и взрослые, чаще не придумывают новые образы, а манипулируют общеизвестными, медийными. Следовательно, *не любая, даже информационно насыщенная, среда и возникающие под ее влиянием впечатления способствуют рождению идей, а прежде всего та, где преобладают субъект-субъектные отношения.* Но медиа, возможно призванные быть субъектами этих отношений, пока таковыми не являются. Они чаще выступают в роли довольно «темного», во многом непонятого объекта, но с субъектными признаками агрессивности, повышенной активности. Думаем, что это временное, переходное состояние,

⁵ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. - М. –СПб., 2002. С. 12.

которое постепенно должно измениться в сторону формирования субъект-субъектных отношений. Ситуация «синергии» и переход субъект-объектной оппозиции в субъект-субъектную возникает, по преимуществу, в достаточно хорошо освоенной, знакомой среде, в том числе освоенной и психологически. Для этого необходим опыт поколений, возможно те самые «сорок лет», чтобы человек перестал быть рабом медийно-внешних обстоятельств.

В качестве одного из средств преодоления данной оппозиции мы видим актуальное искусство. Как в свое время искусство романтизма, например, создавая образ двоимирия, человека и природы, в то же самое время способствовало преодолению данной оппозиции, так и современное искусство решает аналогичные задачи, но уже в новой предметной среде. Обратившись к сфере смыслов, генерируемых цивилизацией, оно не только эксплицирует отчуждение человека от созданного им искусственного мира, но и заставляет задуматься об их совместной судьбе, заново определяя свое отношение к миру «второй природы», к медиа, поскольку дальнейшая жизнь человека, по-видимому уже неотделима от них. Благодаря этому, заново происходит открытие становящегося мира, происходит *«по-священие в искусственно сделанное»*⁶. Однако, поскольку современное искусство вряд ли оказывает значительное влияние на общественное настроение, то оно лишь потенциально способно решать задачи подобного рода. В целом же человек еще не приспособился к новой среде, а потому его творческая составляющая слабо актуализируется в ней.

Тем не менее идеи возникают и заслуга их авторов уже не столько в том, что они открыли какую-либо истину, а в том, что они (в свете «дискурсивного поворота») в качестве идеи открывают некоторое пространство «дискурсивности», на основе которого затем в медиасреде возникает бесконечная возможность все новых и новых продуктивных и не очень продуктивных дискурсов, оперирующих, по преимуществу, вторичными идеями. Как говорит Фуко, «основатели такой дискурсивности, сделали возможным не только какое-то число аналогий, они сделали возможным - причем в равной мере - и некоторое число различий» или высказываний, существенно отличных от того, что было сказано ими. То есть качество открываемой дискурсивности определяется шириной возможностей ее приложения в самых различных вариантах толкования. Другими словами, творцы идеи указывают на некую потенциальность, которую раньше не

⁶ Сенокосов Ю. П. Посвящение в артефакт. // Эстетические исследования: Методы и критерии. - М., 1996. С. 36.

выделяли, выпускаю ее энергию на волю. И все дальнейшее зависит от качества этой энергии: она становится источником для новообразований. Именно поэтому, например, до сих пор говорят о «языковых играх», как бы к ним ни относились: это понятие становится отправной точкой для множества интересных поисков, о которых сам Витгенштейн, может быть и не помышлял.

Однако, бесконечно этот процесс вряд ли может длиться. Как звезды рано или поздно «выгорают», так и изначальная дискурсивность (первичная идея) в конце концов исчерпывает свой потенциал. Поле дискурсивности тогда напоминает «выжатый лимон». Идея исчерпана. Но *медиасреда склонна своими средствами поддерживать дискурсивность в состоянии «выжатого лимона», создавая иллюзию ее длящейся плодотворности.* Новаторские продуктивные идеи в этом случае могли бы изменить ситуацию, выполнив функцию, аналогичную функции новой аксиоматики в дедуктивной системе математики, или выступить в роли революционных принципов науки, приводящих к смене научных парадигм. Подобная идея возникает как «точка совпадения, сгущения и скопления своих составляющих»⁷, как «точка интенсивности», обязательно связанная с субъектностью и субъективностью. Но такие кардинально новые идеи, дающие начало новому полю дискурсивности, в силу указанных выше обстоятельств появляются довольно редко.

54

В каком-то смысле «спасает» ситуацию такое свойство дискурсивности как неизбежное требование «возвращения к истоку», отличающееся от «переоткрытия» или «реактуализации». Фуко понимает под возвращением к истоку довольно сложное движение: движение через забвение, причем не случайное забвение или непонимание, а «конститутивное забвение». Такое забвение, являющееся важнейшей частью дискурсивности, облекается в форму вполне определенных операций, которые, выполнив свою функцию, затем устраняются возвращением. И значение такого возвращения в том, что благодаря, в совокупности, забвению и возвращению, происходит постепенное заполнение «пустот» «пробелов» в исходном дискурсе⁸.

Именно здесь видится основное поле деятельности в медиасреде. Но такие «возвращения» можно оценивать по-разному. Это может быть продуктивное возвращение, серьезная корректировка дискурса, приводящая к рождению новых идей. Но оно же может превратиться в «вечное возвращение», в бесконечную эксплуатацию дискурса, превращающую его

⁷ Делез Ж, Гваттари Ф. Что такое философия? - М., СПб., 1998. С. 31-32.

⁸ См.: Фуко М. Что такое автор? // www.ru.philosophy.kiev.ua/library/foucault/aut.html (01.11.08)

не только в «выжатый лимон», но и в «черную дыру», поглощающую творческие силы. Нередко медиасреда оказывает творческому началу человека своего рода «медвежью услугу», долгое время поддерживая иллюзию плодотворности вторичных идей в то время, когда их потенциал давно исчерпан. Она, не будучи субъектом отношений, не способна подать сигнал-мотиватор к генерации принципиально новой идеи. Возможно, нужная мотивация присутствует в маргинальных областях медиасреды, но ее влияние, в силу маргинальности, весьма ограничено и является, скорее, исключением. А в целом важнейшие механизмы стимуляции идеи, как внутренние так и внешние, в настоящее время требуют *заботы о себе*, поскольку их состояние вызывает тревогу.

Однако, *обращение взгляда к теме «заботы о себе» в медиасреде не менее проблематично, чем производство новых идей*. Исходя из известного анализа проблемы у М. Фуко⁹, отметим, что медиасреда еще больше ориентирует на руководство принципом «познай самого себя», причем в худшем его варианте. Внимание человека концентрируется на внешней атрибутике жизни и существования, на знаниях, которые не только не преобразуют субъекта, но и мешают такого рода преобразованию другими средствами, захватывая все внимание человека, образуя устойчивую интенцию только на медиаобразы. В этих условиях «забота о себе», о своей душе, ее состоянии, чтобы оно было лучше – отходит на задний план. И это весьма негативно сказывается на творческой способности, поскольку забота о себе, подобная «моменту пробуждения», является чем-то вроде «жала овода», которое должно все время «напоминать о себе, зудить, не давать покоя», заставляя особым образом быть внимательным к себе, к другим, к миру, следить за тем, что думаешь, что делается у тебя на душе. Только тогда создаются условия для возникновения точек интенсивности, преобразования субъекта под влиянием знания, а следовательно и для пробуждения плодотворных идей, в которых будет и что-то «от себя», а не только заимствованное из внешнего мира.

Таким образом, актуальный жизненный мир, во многом определяемый новыми медиа, задает свои условия (ограничения и расширения возможностей) не только по отношению к процессу рождения идеи, но также для ее развития-трансформации: роста или резекции, углубления или поверхностного рассмотрения, хаотизации или структурирования, этизации, опошления, эстетизации, вульгаризации, бесконечной эксплуатации и т.п. Эти процессы в условиях новых медиа существенно активизировались, а

⁹ См., например: Фуко М. Герменевтика субъекта. - СПб. 2007. С. 20.

потому в некотором смысле компенсируют недостаток собственно творчества, вызванный малым накопленным опытом пребывания человечества в этой среде. Современное состояние можно назвать состоянием «креативной растерянности».

Для того, чтобы творческие способности человека поддерживались на высоком уровне, как это ни странно покажется, нужна среда с устоявшимися ментально-информационными формами, вернее с устоявшимися процессами генерации этих форм. Это означает, что должна сформироваться Внутренняя форма медиасреды, как виртуальный объект, который несмотря на бесконечный потенциал его возможных актуализаций, все же подлежит некоему «у-своению» (у-своение – быть своим). В среде, не обладающей такими качествами, снижается уровень творческих способностей, меняется интенциональность сознания, больше ориентирующаяся на интерпретацию уже имеющихся форм, нежели на создание новых идей.